

более глубоком понимании проблемы, человек осознает необходимость существования страдания в своей жизни. Только при условии единства счастья и страдания человек может духовно развиваться.

Идеология общества потребления ставит перед человеком цель – наслаждение. Реклама преподносит вещи и услуги как средства достижения счастья. Массовая культура предлагает человеку разнообразные способы прекращения страданий, лишает человека возможности индивидуального переживания страдания, но возможно ли в таком случае духовное развитие человека? Человеку необходимы нагрузки по осмыслению среды своего существования и своих действий. Для правильного самосознания необходимо прибегнуть к философско-антропологической реконструкции самопознания человека. Это значит вернуться к пониманию страдания как такового в его взаимосвязи с религиозной идеей греха и религиозно-философской идеи трагизма бытия человека. Для того, чтобы происходило развитие общества и человека необходимо возвращение к понятию страдания.

Список использованной литературы:

1. Бердяев, Н.А. Дух и реальность / Н.А. Бердяев. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007. – 381 с.
2. Бердяев, Н.А. Самопознание (опыт философской автобиографии) // Н.А. Бердяев. – М.: «КНИГА», 1991. – 446 с.

© Варова К.А., 2015

УДК 167.3

И.В.Девтеров

Д. филос.н., профессор,

Факультет социологии и права

Национальный технический университет Украины

«Киевский политехнический институт», г. Киев, Украина

ЛИЧНОСТЬ И КИБЕРСОЦИУМ В ИЗМЕРЕНИЯХ КОГНИТИВНОЙ МЕТА-МЕТОДОЛОГИИ

Изменяющийся мир сегодня уже не может опираться на те принципы и законы функционирования, которые еще вчера были ключевыми, важнейшими для существования и развития всей цивилизации. Цивилизация в 21-м веке стоит на пороге реальной псевдо-киборгизации (то есть – без физического вмешательства в целостность организма, «неинклюзивная» электроника). Виртуально-сетевая социальная реальность в тесном взаимодействии со всеми сферами общественного бытия уже сегодня существенно, качественно изменила социальную картину нашего мира. Компьютерное моделирование, быстро и надёжно обучаемые нейросети, трёхмерные компьютерные игры, мультимедийные средства представления информации вышли на первый план среди факторов социализации личности, то есть – киберсоциализации, став её неотъемлемыми атрибутами.

Меняются условия и законы функционирования общества и всех его локальных структур, всё более и более становящихся социально-техническими [2], преобразуются ценностные ориентации современного человека, меняется интенциональность личности и в связи с этим должна меняться философия. «Множественные сетевые отражения «я», складываются в самосознании в устойчивый опосредованный Сетью самообраз, который несет в себе её системные свойства» [4, с.83]. Так, острая необходимость переосмысления новейших процессов в современном мире вызвана еще и колоссальной сложностью их смыслового наполнения – перенасыщенность информацией, феномен «filter bubble» (пузырь фильтров, англ.), принципиальное усложнение технологий и уплотнение взаимодействий естественного и искусственного интеллекта (противоречия типа «человек – машина» в обновлённой версии), ухудшение экологической обстановки, усугубление целого комплекса других глобальных проблем, а также стремительно изменяющаяся в своём движении к полицентричности политическая картина мира.

Однако, несмотря на важность и глобальность каждой из названных перемен явно онтологического характера, наиболее сильной детерминантой дальнейшего развития, качественно новой и принципиально иной, можно вполне обоснованно полагать становление, развитие и даже клонирование глобальной информационной сети Интернет, переживающей прямо сейчас крайне интересные и весьма слабо изучаемые процессы качественного и количественного роста, самоорганизации и постепенной сетевой нейронизации, а также - усиления и расширения влияния на все аспекты повседневной социальной реальности.

Классическая постановка проблемы взаимодействия человека и машины, вызванная к жизни Норбертом Винером [1], требует творческого развития, расширения проблемного поля и выхода на новый онтологический уровень – *«человек - машина - интерактивная информационная среда», «человек в структуре киберсоциальной системы», «мозг как системообразующий фактор киберсоциальных нейросетей», «виртуально-сетевая интеллектуализация», «сознание, мозг и Нейронет как равноправные партнёры в творческом взаимодействии», «кибергениальность»,* в конце концов.

Таким образом, компьютер и операционные системы, а также системы искусственного интеллекта (ИИ), искусственные нейронные сети, становятся с одной стороны, вроде как промежуточным звеном, инструментом, и, с другой – *«благодатной средой функционирования и творческого развития интеллекта человека 21-го века, «информационного человека»* [3,6].

Так, концепция сопоставления «классической научной реальности» и виртуально-сетевой интеллектуализации активного творческого субъекта в киберпространстве могла бы выступить в качестве методологической основы для компаративного изучения новых форм и способов интеллектуального роста, развития, образования изменяющегося человека, а также – многих его социальных, научных, творческих и деловых коммуникаций.

Основное содержание такой концепции заключается в обосновании качественно различных способов социализации, самоорганизации, условий и темпов функционирования, эволюции и адаптации естественного интеллекта (ЕИ) нового человека в искусственном, эмулированном виртуально-сетевом пространстве научных идей, теорий, событий, многослойного контента и под значительным воздействием интерактивной и гипертекстовой атрибутики Интернет. Но тут возникает один важный методологический вопрос. Личность – это субъект или объект сетевого «коллективного гибридного разума»?

Нарастающая сила процессов информационного обмена между людьми породила также новый коммуникативный тип культуры (или субкультуры), в которой все подчинено так же необходимости классификации, унификации с целью наиболее эффективной компрессии и структурирования информации и повышения результативности при передаче ее от человека к человеку, будь то при личном контакте или через средства массовой информации.

Становится совершенно реальной некая «всемирность» и всеобщность уникального единичного, индивидуального человеческого сознания, доступная всепричастность каждого конкретного человека, «подключенного» к Сети, ко многим важным процессам, происходящим в обществе и природе.

Здесь следует особо отметить глубокую экзистенциальность самого феномена тесного взаимодействия естественного человеческого интеллекта с виртуально-сетевой информационной средой. Виртуальность здесь только терминологически-формально определяется как кажимость, мнимость, в действительности же сам акт виртуально-сетевого действия (и взаимодействия) осуществляется на основе конкретных аппаратно-технических процессов и приводит к реальным, материальным (порой - катастрофическим) результатам, субъект превращается в объект, растворяясь в виртуальной, искусственно сгенерированной среде.

Согласно работам Н.А.Носова [4], идея виртуальности указывает на особый тип взаимоотношений между онтологически разнородными объектами, располагая их на различных иерархических уровнях и определяя новые, специфические отношения между ними: *«порождённости и интерактивности»* - объекты виртуального уровня порождаются объектами нижестоящего уровня, но, несмотря на свой явный статус порожденных, взаимодействуют с объектами порождающей реальности как онтологически равноправные. Сгенерированная субъектом целостная совокупность виртуальных объектов относительно порождающей реальности и образует собственно виртуальную реальность. «Виртуальные мета-объекты существуют только актуально, только «здесь и сейчас», пока в порождающей реальности происходят события и процессы

порождения виртуальных объектов; с исчезновением причины исчезают и соответствующие виртуальные объекты [5]». Сетевая интерактивная виртуальная реальность подлежит изучению как именно реальность еще и потому, что она подчиняется своим «законам второй природы», в ней свой пространственно-временной континуум, не сводимый к законам, времени и пространству порождающей, генерирующей её реальности, т.е. «внутренняя природа» виртуальной реальности *автономна и уникальна*.

Категорию виртуальности можно вводить через противопоставление, с одной стороны, субстанциальности, а с другой - потенциальности: виртуальный объект существует скорее актуально, пребывая в перманентном состоянии «мимолётности» «мнимости», словно возникший в контексте развивающихся событий мыслеобраз.

Онтологически именно виртуальность и константность, с некоторым допущением, образуют диалектическую оппозицию, т.е. виртуальность и константность являются философскими категориями, взаимно определяемыми *относительно* друг друга, аналогично такой категориальной суперпозиции, например, как сущность-явление. Как категориальная пара виртуальный-константный (дискретный-континуальный) не может в принципе иметь вполне определенной морфологической (субстанциальной) отнесённости, так как в действительности отношения между виртуальной и константной реальностями релятивны: виртуальная реальность может стать причиной виртуальной реальности нового уровня, став относительно нее константной реальностью, при этом константная реальность первого уровня может свернуться, став виртуальным объектом новой константной реальности.

По сути, не может существовать ограничений на количество уровней иерархии реальностей, но психологически, т.е. применительно к конкретному человеку, актуально функционирует только две реальности *n*-го уровня: одна константная (континуальная) и одна виртуальная, производная (дискретная). В философской модели человек при этом может положить существование обеих реальностей как объективно существующих, попутно фиксируя дуализм; может положить существование лишь одной реальности, считая вторую производной от первой. При этом бытие виртуальное есть, безусловно, бытие дискретное, порождённое посредством формально-логических суждений и алгоритмических построений разума. Однако, как нам представляется, всё может происходить и наоборот, и разум превращается в *объект* виртуально-сетевого воздействия, цепляясь за профессионально расставленные смысловые маркеры и забывая о своих первоначальных целях, проникновение сетевой виртуальной реальности в нашу жизнь происходит каждый день, приводя к серьёзным изменениям в структуре, например, социокультурных взаимодействий, порождая явление, которое вполне возможно сформулировать, как объективное *вмешательство в интенциональность* (фактический перехват целеполагания).

Хотя предыстория слова «виртуальный» давняя, нынешний смысл его имеет свой четкий контекст - сетевая виртуальная реальность есть электронно-цифровая, оперативно и гибко модифицируемая, максимально эмулированная производная порождающей актуальной социальной реальности, размещённая в интерактивном киберпространстве (глобальной компьютерной Сети), а точнее, во всемирной суперсистеме файлов, баз и облаков данных (обобщенно – ресурсов), имеющей сложную разветвлённую и многослойную структуру, актуальные элементы и взаимосвязи соответственно. Обобщающий хронотоп указанных двух типов реальностей, несмотря на сохраняющуюся линейность, приобретает новые свойства и соотношения в условиях формализованного пространственно-временного сетевого континуума.

Ранее понятие виртуальной реальности имело локальную, адресную IP-привязку к каждому конкретному компьютеру, описывая технологию имитации трёхмерного пространства программно-графическими методами, теперь же сам объект и смыслы, описываемые этим понятием, расширились и стали всемирными, сетевыми, пульсирующими, изменяющимися ежесекундно двадцать четыре часа в сутки и не имеющими ни логического начала, ни конца, с точки зрения его постижения, как определенного, фиксированного объекта и предмета исследования. По сути, сегодня мы имеем дело с некой цифровой ноосферой, стремящейся к эвристической, интеллектуальной, но онтологически дискретной беспредельности, самостоятельности как способу существования, стремящемуся к достижению непрерывности, континуальности.

И, при этом, виртуально-сетевая экзистенция фактически выстроена сообразно математической природе *цифрового бытия-в-сети* (низкий поклон Пифагору), оцифровка (то есть – дискретизация), формализация всего и вся в этом мире, собственно, и является, видимо, конечной целью и средством данной технократической цивилизации и сетевого информационного общества, которые развиваются и утверждаются у нас на глазах.

Дедуктивная сложность описания, изучения и дифференциации Интернет, построения первых дефиниций заключается еще и в том, что, как целостный объект для изучения, её невозможно увидеть непосредственно и охватить мыслью, в фиксированном, структурированном, законченном виде. Даже если, гипотетически, создать такие условия, и «сфотографировать» ее, в следующее после такой фиксации мгновение «стоп-кадр» станет историей (очередным (n-1)-ым состоянием, и не более). То есть, процесс постижения сути киберсоциального пространственно-временного континуума требует не только и не столько точных о-пределений (они устаревают, не успев зародиться и утвердиться в научных сообществах), сколько <ведения> непрерывного ряда обновляющихся понятий, актуально живущих в реальном времени в Сети и не «застревающих» в предыдущих парадигмах надолго. Большая часть терминов и понятий всех, причастных к данному сверхсложному объекту наук, теорий и парадигм в киберпространстве ЖИВУТ НЕДОЛГО.

Интегрируясь во «вторую природу» интерактивной информационной среды, сознание человека постепенно растворяется в жёстко формализованном виртуально-сетевом пространстве-времени господствующего искусственного сетевого интеллекта, который, как известно, построен на формальных законах и подчиняется формальной логике. Таким образом, развиваясь в условиях явного доминирования искусственного интеллекта, человеческая интенциональность может быть безальтернативно детерминирована онтологическими основаниями существования и развития искусственного интеллекта, который инвольвирует в себя все событийные и тенденциональные аспекты сетевого пространства-времени и приводит к формированию критически иной, многообразной и кибернетически-модифицированной среды *интеринтенций*, формирующей новые смысловые поля собственно киберсоциума.

Таким образом, *рефлексивная формализация*, которая неизбежно вызывается к жизни процессом интенсивного партнерства естественного и искусственного интеллектов, притягивает в сферу философских научных интересов необходимость глубокого анализа самоорганизации подобных коммуникативных процессов, тщательного изучения структуры и взаимосвязей в системе «ИИ-ЕИ», которая и является базовой структурной единицей глобальной компьютерной сети Интернет, а интерактивное киберпространство и киберсоциум можно определить, например, как результат объективного исторического процесса формирования многовекторной интенциональной среды (среды сетевых интеринтенций), основанную на самоорганизации социально-технических и интеллектуально-когнитивных процессов.

То есть, иными словами, сетевое виртуализированное общество (киберсоциум) есть результат коэволюции и глубокого синтеза гомогенной профильной общности людей, представлявших всегда некую компьютерную «элику» человечества, с информационным обществом, в его интерпретации Д. Беллом и И. Масудой (Y. Masuda) [11,12], в многомиллиардную (3,345,832,772 пользователей сети на 07.12.2015г. – это 46.1% населения Земли) [10], полиэтническую и мультикультурную, непрерывно, 24 часа в сутки, самоорганизующуюся суперсистему различных сообществ современных пользователей персональных компьютеров, каковыми на данном этапе развития <постиндустриального> общества стали люди всех возрастных и социальных категорий. Необходимость целенаправленной и рационально организованной, эффективной совместной жизнедеятельности, перманентно всегда присущая нормальному функционированию любого общества (со-общества), ярко и зримо проявлена и осуществлена в полной мере именно в киберсоциуме.

За прошедшие 10-15 лет у активного человека Сети произошла полная *киберадаптация*, а адаптация, как известно - это сложный динамический процесс, благодаря которому подвижные системы живых организмов, несмотря на изменчивость условий, вырабатывают, поддерживают, обеспечивают устойчивость, необходимую для существования, развития и продолжения рода. В науке принято считать, что именно механизм адаптации, выработанный в результате длительной эволюции, реально обеспечивает саму возможность существования организма в постоянно меняющихся условиях среды.

Благодаря процессу адаптации достигается сохранение гомеостаза при взаимодействии организма с внешним миром. В этой связи процессы адаптации включают в себя не только оптимизацию

функционирования организма, но и поддержание сбалансированности в дуальной системе «организм-среда». Процесс адаптации осуществляется всякий раз, когда в указанной системе возникают объективные, значимые изменения, и, при этом, обеспечивает формирование нового гомеостатического состояния, которое, в результате, позволяет достигать максимальной эффективности соответствующих целям физиологических функций и поведенческих реакций. Поскольку организм и сетевая виртуальная среда находятся обыкновенно не в статическом, а в динамическом равновесии, их соотношения меняются непрерывно, постоянно, в соответствии с устремлённым в бесконечность рядом новых дискретных состояний среды, а следовательно, также постоянно, непрерывно должен происходить и процесс адаптации.

Считается, что именно процессу развития внутреннего противоречия принадлежит решающая роль в развитии любой системы. Внешнее противоречие может послужить толчком, но прежде чем стать истинной силой развития, оно должно проникнуть во внутреннюю структуру объекта (адаптация организма к внешней среде), организм должен выработать новое качество, структуру и запустить новую функцию, которые, рано или поздно, вступают во внутреннее противоречие с исходными качествами и функциями. В роли подобного качества и предстаёт перед нами, например, феномен рефлексивной формализации мышления человека, которая позволяет ему в новых условиях осуществлять и новые функции в соответствии с целями и задачами, выстроенными в смысловом пространстве киберсоциума.

Еще одно, на наш взгляд, логически безупречное определение адаптации дает Ю.А. Урманцев: «Адаптация – это приноровление системы признаков телеобъектом-системой к особенностям среды его обитания для реализации им его целей в этой среде» [7], причем термин «приноровление» здесь следует рассматривать и как *результат*, и как *процесс*.

Как известно, процесс адаптации в одном направлении неизбежно приводит к дезадаптации в других (обретению нового качества). Адаптация как процесс вызвана в данном случае обыкновенным инстинктом самосохранения, который является самым мощным инстинктом у человека – речь идет именно о выживании, особенно на Западе. Миллиарды пользователей компьютеров во всем мире уже перешагнули ту черту, которая отделяла их от «прописки» в киберсоциуме и виртуальной информационной среде, с головой погрузившись в процесс киберсоциальной адаптации, принимая и развивая правила его игры.

Таким образом, в настоящее время происходит объективный процесс всё время прогрессирующего стихийного перетекания, отвлечения, *перетягивания, сознания* все большего числа людей (каждый – со своим внутренним миром, интеллектом, амбициями, чувствами) и, конечно – общественного сознания в киберпространство, киберсоциум. Каждую секунду в мире появляются сотни компьютеров, (и этот показатель растет каждый день), а количество произведенных мобильных устройств на Земле превысило количество людей – масштабы процесса киберсоциализации уже не нуждаются в специально выстроенной системе доказательств, как это приходилось делать 15 лет назад.

Объективно, киберсоциализация – это уже у нас, а не «где-то там». Наше общество давно уже разместилось и интегрировалось в киберсоциум, со всеми государственными и социальными институтами, электронным правительством, это связано в не меньшей степени и с большой, стремительно развивающейся образовательной отраслью подготовки квалифицированных специалистов в области IT- технологий.

Киберадаптация – процесс, методологически поддающийся должному изучению, классификации и систематизации, так как является хоть и достаточно стихийным, но закономерным и имеющим целый ряд качественных и количественных характеристик. И, к тому же, просто однажды такой человек констатирует неоспоримый факт своей успешно, неотвратимо и уже необратимо прогрессирующей фактической реальной киберсоциализации (и киберсоциальной адаптации) или идентифицирует себя как уже полностью сформировавшуюся *киберсоциальную личность* (общение между членами семьи с помощью локальной домашней компьютерной сети, например, чтобы сэкономить время), т.е. личность, не мыслящую своего существования и развития без глобальной компьютерной сети, без сетевой виртуальной реальности. Таким образом, в данном случае нужно говорить, что произошла кибернетическая адаптация *как результат* [2].

Также необходимо отметить, что в настоящее время и парадигма самоорганизации все шире и глубже проникает не только в естественное, но и социально-гуманитарное знание, и постепенно приобретает устойчивый характер общенаучного принципа исследования. С позиций этого принципа можно значительно полнее и точнее эксплицировать эволюцию социальных систем как направленный и длительный во времени процесс возникновения новых структур в результате самоорганизации их элементов.

Исходным пунктом для возникновения эволюции служит наличие открытой системы (каковой и является мировая информационная сеть), поскольку закрытая система в соответствии со вторым началом термодинамики может изменяться лишь в направлении увеличения ее энтропии, т.е., усиления хаоса, беспорядка и дезорганизации в ней. В отличие от этого в открытой системе, которая взаимодействует с окружающей её средой путем обмена *энергией, веществом и информацией*, при наличии соответствующих условий, существует вероятность возникновения определенного порядка. Один из теоретиков самоорганизации бельгийский Нобелевский лауреат И.Пригожин [8] характеризует его как «порядок через флуктуации», так как именно благодаря таким случайным отклонениям системы (флуктуациям) в открытой неравновесной системе постепенно нарастают объективные и необратимые процессы расшатывания прежнего порядка и, в конце концов, возникает новый порядок или структура.

Таким образом, развивающаяся последние 20 лет «флуктуация» в структуре социального бытия – сетевое интерактивное киберпространство, или Интернет, а теперь, на новом феноменологическом уровне – киберсоциум, уже приводит к возникновению нового мирового порядка и иных локальных и глобальных коммуникативных структур, базирующихся на взаимодействии биологических и искусственных нейронных сетей, вынуждая пересматривать вслед за её развитием все существующие научные дисциплины, так или иначе имеющие отношение к процессам эволюции и киборгизации человека, а также неизбежной коэволюции личности современного человека и социотехнических суперсистем, инициированных приближающимся шестым технологическим укладом.

Широкая, системная трансдисциплинарность становится единственно возможным методологическим основанием постижения онтологии нового виртуально- сетевого феномена – всемирного социального киберпространства (киберсоциума) как явления, вызванного к жизни всей предысторией развития науки и техники, культуры и цивилизации в целом.

При этом, вопросы интеллектуализации и рефлексивной формализации сознания человека в виртуальной информационной среде являются одними из самых главных, как в исследовании феноменологии данного объекта, так и - антропологических, гносеологических и аксиологических аспектов её влияния на становление нового общества. Стремительно меняющийся человек, который адаптировался к новым условиям жизнедеятельности, мыслит и действует по-другому, исходя из своих, по сути, планетарных возможностей, основываясь на универсально-обобщенных, глобальных, а не на географически- и этнически локализованных понятиях, знаниях, ценностях, применяя средства и методы, еще вчера доступные узкому кругу специалистов, подключая искусственный интеллект и нейросети для выполнения простейших задач.

Даже семантическое поле Сети, развивающееся на основе гипертекстовых форм представления информации, является безграничной и благодатной многомерной смысловой средой для унификации понятий, зарождения новых когнитивных направлений становления и развития новой научной реальности, на основе неких *киберсоциальных и киберантропологических универсалий*.

Список использованной литературы:

1. Винер Н. Кибернетика и общество.- М.: Наука, 1958.- 200 с.- URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Science/viner/
2. Девтеров И.В. О концепции устойчивого киберсоциального развития. / Держава та глобальні соціальні зміни: історична соціологія панування та спротиву в епоху модерну: матеріали міжнародної наук.-практ. конф. (м. Київ, 26-27 листопада 2015 р.) – К. : Талком, 2015. 652 с., с.574-575.
3. Знамцева О.П. Информационный человек: социально-видовые характеристики : диссертация на соискание степени кандидата философских наук : 09.00.11 / Знамцева Ольга Петровна; [Место защиты: Саратов. гос. ун-т им. Н.Г. Чернышевского].- Саратов, 2008.- 152 с.: ил. РГБ ОД, 61 09-9/18
4. Калмыков А. А. Антропология цифровой цивилизации // Философия коммуникации: интеллектуальные сети и современные информационно-коммуникативные технологии в образовании / Под редакцией д.ф.н., проф. С.В. Клягина, д.ф.н., проф. О.Д. Шипуновой. СПб.: Изд-во Политехн.ун-та, 2013. – 234с. С. 81-90.
5. Носов Н.А. Виртуальная реальность: Философские и психологические аспекты. - М., 1997. - 187 с.
6. Панфилова Т.В. «Информационный человек»: личность в эпоху глобализации / Т.В. Панфилова // Мир и Россия на пороге XXI века: Вторые Горчаковские чтения. МГИМО МИД России (23- 24 мая 2000 г.) / Редсовет: А.В. Торкунов (председатель), М.В. Ильин, Ю.М. Колосов, Н.Н. Ливенцев, А.Ю. Мельвиль, А.К. Сорокин, И.Г. Тюлин, О.Г. Ульциферов; МГИМО(У) . – М.: РОССПЭН, 2001. – С. 356-362.

7. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса : Новый диалог человека с природой : Пер. с англ. Ю.А. Данилова. - М.: Прогресс, 1986.- 431 с.
8. Урманцев Ю.А. Природа адаптации (системная экспликация) // Вопросы философии.- 1998.- №12.- С. 21-36.
9. Фукуяма Ф. Наше постчеловеческое будущее: Последствия биотехнологической революции / Ф. Фукуяма; Пер. с англ. М.Б. Левина - М.: ООО «Издательство АСТ»: ОАО «ЛЮКС». 2004. — 349. [3] с.
- 10.<http://www.internetworldstats.com/stats.htm>
- 11.Bell D. The Social Framework of the Information Society. - Oxford, 1980.-315p.
- 12.Masuda Y. The Information Society as Postindustrial Society // Wash.:World Future Soc. – 1983.- P. 29.

© Девтеров И.В., 2015

УДК 130

К.А. Клементьева

студент факультета агрохимии, почвоведения и агроэкологии
Нижегородская государственная сельскохозяйственная академия
г. Н.Новгород, Российская Федерация

СВОЕОБРАЗИЕ МЕНТАЛИТЕТА РУССКОГО НАРОДА

Аннотация

Статья посвящена актуальной научной проблеме – изучению менталитета русского этноса. Выделены наиболее общие черты русского менталитета.

Ключевые слова

Менталитет, картина мира, этнокультурная среда.

Понятие "менталитет" уже давно используется как в научной терминологии, так и в обиходе обычных людей. Это способ мышления, склад ума, мировосприятия; умонстроение народа, общественной группы, личности. "Менталитет" означает нечто общее, лежащее в основе сознательного и бессознательного, логического и эмоционального, является источником мышления, идеологии, веры, чувств и эмоций. У каждого народа он уникален и неповторим. Не является исключением и наш, русский менталитет.

Русское мировоззрение существенно отличается от американского, японского или европейского, – это очевидный факт. В чем же отличие менталитета русского от того же европейца? Прежде всего, такими, какими мы есть на данном этапе, сделала нас наша Российская история, точнее ее особенности. Вот три основные особенности российской истории и их краткие характеристики.

Природно-климатическая особенность. Суть этой особенности в том, что на итоги земледельческой деятельности населения исторического ядра России в течение многих столетий губительным образом влияли весенние и осенние заморозки. В дополнение к этому нужно отметить и переменчивый характер летней погоды (то жара и засуха, то холодно-дождливое ненастье), влекущий за собой неурожаи. В более южных районах постоянной угрозой была и остается поныне жестокая засуха. Главным же и весьма неблагоприятным следствием нашего климата является короткий рабочий сезон земледельческого производства. И именно это повлияло на национальный характер русского народа: терпят до последнего, а потом могут взорваться. Этот фактор сформировал беспечность, лень, и, увы, пьянство. Напрямую это связано с климатом, когда по полгода не бывает солнца, хочется себя чем-то занять и согреть.

Беспечность связана с крепостным правом, которое придется изживать в себе каждому почти русскому. Русский полагается на «авось» по двум причинам: надежда на барина, царя-батюшку и „зону рискованного земледелия“, то есть на неопределенность и неровность климатических условий.

Русским свойственна некоторая сумрачность. И на улицах нечасто встретишь людей с веселыми лицами. Это связано с суровым климатом, где почти полгода не бывает солнца.

Недостаточная способность к объединению, к самоорганизации предполагает, что непременно нужен